

Из-за недотравленного яда Цзинпина то и дело клонило в сон. Едва они закончили с обедом, Ли Яо без лишних церемоний выставил его спать, а сам, воспользовавшись передышкой, оседлал коня и помчался в лагерь пограничной стражи.

Дислоцированные в Цзяннани войска носили гордое имя — армия Цзэнань.

К приезду Ли Яо офицеры как раз проводили учения. Хуа Синьфэн, завидев гостя, размахисто утер лицо рукавом, сиюсь скрывать внезапную тревогу.

— Что-то стряслось? — выдохнул он, торопливо шагая навстречу. — Яд Цзинпина снова дал о себе знать?

С тех пор как раскрылась тайна происхождения мальчишки, секретарь Хуа не находил себе места от беспокойства.

Ли Яо лишь добродушно усмехнулся:

— Мальчишка вообще-то не признает, что он из рода Хэ. Смотри не растрать всю свою отеческую заботу впустую.

Хуа Синьфэн поперхнулся и растерянно пробормотал:

— Но он ведь... правда из них?

— Пф-ф, — Ли Яо смерил его насмешливым взглядом. — Я видел герцогиню Синь всего раз в жизни, но даже мне бросилось в глаза, как сильно этот сорванец похож на мать. А уж ты-то... — он вовремя прикусил язык, сообразив, что поминать усопшую всуе не стоит, и быстро поправился: — Словом, вы ведь столько лет знали друг друга. Неужели сам не видишь, что у малого её черты?

Хуа Синьфэн окончательно смешался и, понизив голос, раздосадованно прошипел:

— К чему тогда были эти дурацкие шутки?

Ли Яо расплылся в лукавой, довольной улыбке: развлекался как мог.

— Ладно, ближе к делу, — посерьезнел Хуа Синьфэн. — Эти дни я тайно следил за городом, но Управление Тайного Механизма — мастера своего дела. Стоило им почуять жареное, как они тут же замели все следы. Когда этих пленных цзесцев отправят в столицу?

При упоминании об этом секретарь Хуа лишь брезгливо хмыкнул и с явным сарказмом ответил:

— Наш многоуважаемый господин Фань уверяет, будто нужно уладить кое-какие бумажные формальности. Говорит, выедут дня через два-три, не раньше.

Теперь Ли Яо окончательно убедился: Фань Хун прислал ему приглашение втайне от секретаря Хуа. Хитрый лис явно спал и видел, как бы оставить Иншу себе. Получив от ворот поворот у непреклонного Хуа Синьфэна и проведая, что упрямый секретарь души не чает в своем названом дяде-наставнике, префект решил пойти в обход.

Что тут скажешь? Ума палата. Как человек с таким куцым кругозором ухитрился выбиться в градоначальники — загадка. Видно, на могилах его предков курились такие благовония, что дым выел глаза самому Нефритовому Императору.

— Собственно, я зачем приехал-то — предупредить, что префект зазывает меня на ужин, — Ли Яо легко взлетел в седло. — Пойду послушаю, какие сказки он мне споет.

Не дожидаясь, пока ошеломленный Хуа Синьфэн успеет вставить хоть слово, он пустил коня в галоп и скрылся в облаке пыли.

Вернувшись в свою тихую обитель, Ли Яо завалился спать. Проснувшись через час с небольшим и рассудив, что время близится к назначенному, он не торопясь переоделся и направился к выходу.

— Господин Ли!

У ворот двора Цзинпин увлеченно налаживал контакт со своим верным мохнатым приятелем. Заметив Ли Яо, мальчишка потрепал пса по загривку на прощание. Одет он был опрятно, с иголки — явно поджидал спутника, чтобы отправиться вместе.

— А ты-то куда собрался? Оставайся-ка лучше дома, — Ли Яо с сомнением оглядел его бледное лицо и повязку на руке. Брать с собой больного не хотелось.

— Раз уж этот важный господин соизволил пригласить и меня, грех не уважить, — Цзинпин быстро пристроился рядом и, бросив короткий взгляд по сторонам, заговорщицки зашептал: — Он ведь понятия не имеет, кто вы на самом деле? Откажетесь — еще обидится, начнет палки в колеса вставлять. Зачем нам лишние хлопоты?

Ли Яо снисходительно хмыкнул:

— Ему от меня кое-что нужно, так что зубы он показывать не посмеет.

— И все же... — Цзинпин упрямо вскинул голову. — Я хочу спросить у того парня, что изувечил мне пальцы... Что такого особенного в моем кольце из белого нефрита?

«Ведь это просто памятная вещица, оставшаяся от матушки. С чего вдруг они так в нее вцепились?»

Видя, как у малого работает мысль и как сильно ему хочется во всем разобраться, Ли Яо лишь взъерошил его отросшую шевелюру и добродушно сдался:

— Ладно, твоя взяла. Раз уж ты у нас такой немощный, пойдем к господину префекту — хоть от пуза наедемся деликатесов ради твоего скорейшего выздоровления.

Избавление от остатков яда требовало времени. И секретарь Хуа, и лагерный лекарь в один голос твердили о правиле «трех "больше"»: больше пить, больше спать и больше двигаться, чтобы поскорее очистить кровь.

Именно поэтому Ли Яо не стал седлать лошадей. Вечер выдался тихим и безветренным, так что они не спеша отправились пешком, наслаждаясь приятной прохладой сумерек.

Резиденция градоначальника в Сючжу строилась по классическому канону: парадные залы присутственных мест располагались впереди, а жилые покои хозяев — в глубине усадьбы.

Стоило Ли Яо протянуть у ворот пригласительную карточку, как высокомерное лицо привратника мгновенно расплылось в угодливой улыбке.

— Господин префект лично предупредил о вашем визите. Пожалуйста, подождите секунду, я сейчас же доложу.

Ждать и впрямь не пришлось: навстречу им из глубин усадьбы уже спешил сам Фань Хун.

На вид ему можно было дать лет тридцать пять. Мужчина плотного, коренастого сложения, он мало походил на хрупкого кабинетного ученого. Впрочем, судя по тяжелой, грузной поступи, боевыми искусствами он тоже никогда всерьез не занимался. На нем был простой с виду длиннополый халат из неброской узорчатой парчи.

Однако Ли Яо, искушенный в роскоши столичный аристократ, с одного взгляда определил истинную цену этого наряда.

Ткань, с виду напоминавшая шелк, отливала благородной матовостью. Ее ткали из тончайшей смеси шелковых нитей и пуха редких овец из Западного края. Невесомое, но на редкость теплое полотно из-за невероятной сложности работы производилось в ничтожно малых количествах и шло исключительно на нужды императорского двора. Пару лет назад один столичный богач предлагал за рулон такой ткани тридцать золотых лянов, да так и ушел ни с чем.

Оставалось лишь догадываться, в какую кругленькую сумму обошлась господину префекту его

скромная одежда.

Еще не дойдя до ворот, Фань Хун расплылся в радушной улыбке и ускорил шаг. Не дав Ли Яо согнуться в официальном приветствии, он торопливо сбежал по ступеням:

— Мы с секретарем Хуа делим тяготы службы в одном ведомстве. И раз уж брат Хуа зовет вас дядей-наставником, мне тоже пристало обращаться к вам так же!

Дружеское расположение он разыгрывал как по нотам — на редкость искусно.

Ли Яо вежливо отступил на полшага и сложил руки в приветствии:

— Ли Будуй лишь безродный простолюдин и не смеет принимать столь высокую честь. Вы слишком добры ко мне, господин префект.

Фань Хун раскатисто расхохотался, панибратски приобнял Ли Яо за плечи и увлек за собой во двор. Любой случайный прохожий решил бы, что эти двое — старые закадычные друзья.

Видя показную скромность усадьбы при столь баснословно дорогом наряде хозяина, Ли Яо приготовился созерцать скрытые чудеса роскоши во внутренних покоях, однако ошибся. Сад оказался на редкость заурядным: обычные беседки, скромные ручьи да заросли бамбука. Пожалуй, убранство уступало даже его собственному арендованному дворику.

В садовом павильоне для гостей уже были накрыты два стола — для хозяина и почетного гостя. Усадив Ли Яо с привычной любезностью, префект скользнул взглядом по Цзинпину и мягко поинтересовался:

— А этот юноша... верно, ваш книгоноша, господин Ли?

— Мы познакомились всего пару дней назад, — ответил Ли Яо. — На правах гостя осмелюсь просить у вас место и для моего юного друга.

Фань Хун благодушно кивнул и дважды хлопнул в ладоши.

Тут же явились проворные слуги. Они мигом притащили еще один низкий столик, примостив его чуть поодаль от места Ли Яо, и в мгновение ока расставили изящную посуду.

— Мне доложили лишь, что пострадал какой-то юноша, но я не знал, кем он приходится господину Ли, а потому не посмел навязываться, — засуетился Фань Хун, приглашая Цзинпина садиться и давая знак подавать угощения.

Ужин, устроенный префектом, не поражал воображение показной роскошью, однако был приготовлен с редким изяществом.

Жареное мясо, тушеные закуски и наваристые супы подавали в крошечных пиалах. Перед каждым гостем прямо на столах лежали небольшие каменные плитки, раскаленные на углях. Специально приставленные слуги ловко орудовали палочками: они выкладывали тончайшие, как бумажный лист, ломтики мяса на камень, где те шкворчали в капельках масла, мгновенно наполняя павильон умопомрачительным ароматом.

Ли Яо скользнул взглядом по прислуживающему ему юноше. Тот держал серебряные палочки тонкими, изнеженными пальцами без единой мозоли — такие руки никогда не знали тяжелой работы. Стало ясно: челяди в усадьбе префекта держали с избытком.

Стоило слуге бережно переложить готовое мясо на тарелку, как Ли Яо повернул голову и мягко поблагодарил его. Юноша опустил ресницы, пряча лукавую кокетливую полуулыбку, полную недвусмысленного призыва.

Префект, подметив эту безмолвную сцену, лишь понимающе усмехнулся и принялся вести праздные разговоры — расспрашивал о родных краях гостя, о причинах его приезда в Сючжу...

Ли Яо в ответ заливался соловьем, сочиняя небылицы с самым честным видом и не давая повода усомниться в своих словах.

Покончим с любезностями, Фань Хун с чинным видом поднял свой нефритовый кубок:

— Угощение скромное, не обессудьте. Что до этого негодяя Иншу... Я ведь долгое время водил с ним знакомство, но и помыслить не мог, какая змея греется у меня на груди. Из-за моей оплошности пострадал ваш юный друг, и сегодня я заставляю этого мерзавца лично вымолить у вас прощение.

Ли Яо лишь загадочно улыбнулся, наблюдая, как слуга наполняет его кубок. Густая, маслянистая влага оставляла на полупрозрачном нефрите тяжелые капли. По одному лишь тонкому аромату можно было безошибочно узнать выдержанное коллекционное вино из Фэньяна.

— «Вино Ланьлина пахнет тюльпаном, чаша яшмовая светится янтарем»... Превосходный фэньцзю в нефритовом кубке. Сразу видно, что вы, господин префект, истинный ценитель, — Ли Яо салютовал хозяину кубком. — К сожалению, мой юный друг еще слаб после отравления, так что его долю мне придется взять на себя. Надеюсь, вы не сочтете это за дерзость.

С этими словами он осушил кубок до дна. Напиток мягко скользнул по горлу, оставив после себя благородное, согревающее послевкусие. Действительно, редкое сокровище.

Ли Яо уже протянул было руку, чтобы забрать и кубок соседа, но Фань Хун со смехом остановил его движением ладони:

— Полно вам! Я ведь знал, что юноше нельзя спиртное, а потому велел налить ему безалкогольного абрикосового нектара. Пускай угощается без опаски.

Косясь на соседа, Ли Яо убедился, что перед Цзинпином и впрямь исходит легким паром кубок из чистейшего горного хрусталя.

Сам же малец, свято следуя наказу набить брюхо деликатесами, до сих пор молча уплетал за обе щеки все, до чего мог дотянуться. Почувствовав на себе выжидающие взгляды взрослых, он чинно пригубил напиток. Во рту разлилась приятная медовая сладость без единого намека на хмель.

— Вот и славно! — весело воскликнул префект. — Наш юный гость знает толк в хорошем угощении. Ну что, обида на хозяев дома хоть немного поутихла?

Цзинпин аккуратно поставил хрустальный кубок на стол и, нахмурившись, прямо спросил:

— Обида тут ни при чем, господин префект. Но ваши слова ставят меня в тупик... Неужели вы пытаетесь замолвить словечко за вражеских лазутчиков?

От такой невиданной прямоты префект поперхнулся вином и едва не закашлялся. Ли Яо и сам не ожидал от мальчишки столь дерзкого выпада. Мысленно поаплодировав его смелости, он отчаянно пытался сдержать рвущийся наружу хохот, из-за чего глухо запершил горлом.

Выдавив из себя натянутую улыбку, Фань Хун поспешил сменить скользкую тему:

— Ну что вы, как можно! Вижу, вам действительно нанесли глубокую обиду. Что ж, сейчас я помогу вам восстановить справедливость.

Он дважды хлопнул в ладоши.

Спустя мгновение крепкие стражники ввели в павильон связанного по рукам и ногам пленника. Тюремное рубище парня было сплошь покрыто бурыми пятнами крови, а резкие, хищные черты лица и глубоко посаженные глаза выдавали в нем чужеземца.

Ли Яо никогда прежде не видел этого человека. Но разглядев сквозь лохмотья, которые были едва ли толще рисовой бумаги, две наскоро перевязанные раны — судя по всему, от стрел, — он мгновенно догадался, кто перед ними.

— Вот, погляди, — указал пальцем префект. — Именно этот негодяй стрелял в тебя

отравленным скрытым оружием.

Договорив, Фань Хун заговорщицки подмигнул прислужнику. Тот бесшумно выскользнул наружу, и вскоре из сада донеслось глухое поскрипывание деревянных колес. В павильон вкатили кресло, на котором, бессильно откинувшись на спинку, сидел Иншу.

Всего за пару дней парень страшно переменялся: щеки ввалились, а плотный слой белил и румян уже не мог скрыть землистый, почти мертвенный оттенок кожи.

Его остановили в самом центре зала. Быстро окинув взглядом присутствующих, Иншу замер, не проронив ни звука. Его лицо казалось каменной маской.

— Иншу, — ласково, точно любящий отец, пропел префект. — Все мы знаем, что по рождению ты чистокровный ханец. Тебя еще ребенком похитили дикари-цзесцы, оттого ты и пошел по кривой дорожке измены. Сегодня я пригласил сюда господина Ли и этого безвинно пострадавшего от твоих рук юношу. Тебе следует искренне покаяться перед ними. Если сможешь тронуть их сердца и вымолишь прощение, у тебя появится призрачный шанс выжить. В противном случае через три дня нам с секретарем Хуа придется отправить тебя под конвоем в столицу. А там, по законам Великой Цзинь, тебя ждет участь страшнее смерти — казнь через тысячу разрезов.

Тот медленно опустил веки и бесцветным, на удивление покорным голосом отозвался:

— Я все понял.

Поворачивая колеса тонкими руками, он подкатил вплотную к столику Цзинпина и, вежливо склонив голову, соединил ладони:

— В тот день я обошелся с тобой жестоко. Пожалуй, для начала мне стоит вернуть долг.

Не успел Цзинпин сообразить, о каком долге идет речь, как Иншу молниеносным, почти неуловимым движением сорвал собственные ногти с большого и указательного пальцев левой руки. Окровавленные роговые пластинки с ошметками живой плоти со стуком упали на чистый стол прямо перед опешившим мальчиком.

Цзинпин поперхнулся воздухом. Он шел сюда лишь с одной мыслью — вывести, почему этот безумец охотился за его кольцом из белого нефрита. Подобного кровавого представления он никак не ожидал и теперь сидел бледный как полотно, не зная, что делать.

Не обращая внимания на сочащуюся из изувеченных пальцев кровь, Иншу холодно кивнул слугам. Те со знанием дела подхватили связанного цзесца под мышки и швырнули его на колени перед Цзинпином.

В глазах грозного наемника наконец-то промелькнул животный ужас. Превозмогая боль, он хрипло закричал на ломаном ханьском наречии:

— Мы ведь вместе клялись в верности пред ликом Великого Неба! Неужели ты предашь веру ради спасения собственной шкуры?!

Иншу даже не взглянул на него. Повернувшись к Цзинпину, он ровным, безжизненным тоном произнес:

— Сейчас я помогу тебе выпустить пар.

Не успел никто и глазом моргнуть, как в его руке блеснул острый серебряный нож для разделки мяса. Взмах лезвия — и тонкий, ровный лоскут кожи вместе с мясом отделился от щеки цзесца. Легким щелчком пальцев Иншу отправил окровавленный кусок прямо на раскаленную каменную плитку. По павильону разнесся резкий, шипящий звук жарящейся плоти.

Наемник зашелся в диком, раздирающем душу вопле.

Игнорируя эти оглушительные крики, Иншу с пугающим хладнокровием продолжал орудовать ножом. Его движения были точны и выверены: он пласт за пластом срезал плоть с левой половины лица несчастного, отправляя куски на раскаленный камень. Стоявший рядом смазливый слуга с невозмутимым видом подхватывал шипящие ломтики серебряными палочками и аккуратно выкладывал их на тарелку Цзинпина.

— Он чуть не отправил тебя на тот свет, — абсолютно спокойно, без малейшей дрожи в голосе проговорил Иншу. — Если в твоём сердце осталась хоть капля ненависти, ты должен насытиться его плотью.

Он сделал изящный, приглашающий жест в сторону тарелки:

— Прошу, угощайся.

<http://bllate.org/book/18368/1760215>